

ПРЕСТУПНОСТЬ И БОРЬБА С НЕЙ В ГОРОДЕ КРАСНОЯРСКЕ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается криминогенная обстановка в городе Красноярске периода революции и Гражданской войны. На протяжении 1917–1918 гг. в Красноярске обострилась проблема преступности и ведение борьбы с ней. Сменяющие друг друга красные и белые власти старались наладить порядок в городе, каждый своим способом, но это им плохо удавалось. Население страдало от насилия властей и бытовой преступности, так как в кризисные периоды ослаблены общественные идеалы и моральные установки.

Ключевые слова: криминогенная обстановка; Красноярск; Гражданская война; борьба с преступностью.

В период революции и Гражданской войны криминогенная обстановка в городе Красноярске обострилась еще больше, чем в годы Первой мировой войны. Среди разнообразных форм жизни горожан преступность стала ярким воплощением безвыходного положения обывателя в тех сложившихся условиях. Революция и Гражданская война оказали негативное, разрушительное воздействие на человеческую психику. В кризисные периоды истории традиционная система ценностей расшатана. Рассудительность, обращение к примерам, угрызения совести торопливо расступаются перед напором частых потребностей сиюминутного свойства. Преступные действия не способны отразить и измерить всю глубину личного горя, которые они несут людям.

Цель исследования – рассмотреть криминогенную ситуацию в Красноярске, раскрыть мероприятия органов власти по охране порядка и борьбе с преступностью в городе.

Преступность и борьба с ней, организация охраны порядка отражена в работах таких исследователей, как З.П. Звягина, А.Н. Никитина, М.Д. Северьянова, А.И. Сыч и др. З.П. Звягин [1] рассматривает структуру и деятельность городской и уездной милиции при Колчаке. Он видит ограниченные полномочия милиции и сосредоточение руководства милицией полностью в руках руководителей губерний, а в Енисейской губернии – у П.С. Троицкого. В своих работах А.Н. Никитин [2] анализирует проблемы правоохранительных органов белого режима, действия милиции по отношению к гражданам, восприятие гражданами органов правопорядка. Автор отмечает, что низкое денежное содержание чинов милиции не привлекало на службу опытных и способных людей. На ответственные должности попадали в основном взяточники или те, кто неправлялся со своими обязанностями. М.Д. Северьянов [3] в своих исследованиях отражает отношения между людьми, приводит примеры жестокого обращения друг с другом непримиримых сторон. В годы революции и Гражданской войны отсутствовали право и правовые отношения, действовал только закон силы, в основе которого лежали ожесточенность, бесстыдство, дикость. По мнению А.И. Сыч [4], именно в годы революции и Гражданской войны процветали незаконные аресты и обыски, пытки и любые казни: раздробление черепов, набивание человеческого тела гвоздями, перепиливание, костоломка, погружение несчастных жертв в воду на морозе до полного замерзания.

Главной отличительной чертой социальной психологической динамики городской повседневности после Февральской революции 1917 г. стало возрастание роли стихийно-иррациональных составляющих. В условиях двоевластия в городе обостряется криминогенная обстановка, о чем свидетельствуют сообщения из периодической печати. Вот что писала газета «Свободная Сибирь»: «Громилы продолжают пользоваться положением и орудуют во всю. На днях ими был опустошен на Песочной ул. амбар домовладельца Фридмана» [5. 14 мая]. «В ночь на 30 августа, – сообщала та же газета, – вновь был совершен шайкой разбойников дерзкий грабеж, напоминающий по обстоятельствам ограбление туркансских купцов на 50 тыс. руб. На этот раз пострадали китайцы, проживающие в д. Смирнова № 107 по Садовой улице» [Там же. 2 сен.]. «Милиция Красноярска, – делала вывод газета в начале сентября, – совершенно бессильна бороться с укоренившимся азартом на барахолке Ново-Базарной площади, где постоянно происходит картечная игра в “21”, “шмэнку”, “бело-черно” и т.д.» [Там же. 6 сен.].

Все чаще поведение горожан стало подчиняться законам психологии толпы, отличительными особенностями которой были готовность впасть в крайность, жестокость. Это хорошо видно на примере убийств городских жителей, о чем «Свободная Сибирь» писала: «Убийство Андреевой. ...Вместе с ней были убиты еще три жертвы – проститутка 18 лет, дочь кухарки 4–5 лет и дочь самой Андреевой – 15 лет... Это убийство окончательно усилило страх обывателей перед всевозрастающей преступностью. Насилие начинает себя чувствовать так, как будто весь город во власти преступников» [Там же. 7 сен.].

С приходом к власти большевиков в Красноярске начали предприниматься меры по борьбе с преступностью. 18 января 1918 г. Красноярский совет принимает обязательное постановление о борьбе с преступностью, пункт № 6 которого предусматривал вооруженное пресечение всех попыток к беспорядкам, грабежам и мародерству [6. 21 янв.]. С первых дней своего существования советская власть проводила борьбу со спекуляцией. Отряды народной милиции, чекисты проводили обыски на железной дороге, в поездах, на базарах, в залах ожидания. Конфискованный товар распределялся среди инвалидов и бедняков. Но мероприятия, проводимые властью по борьбе с преступностью, не давали должных результатов. Газеты пестрят сообщениями об уголовной хронике Красноярска и

других городов: кражах, самогоноварении, ограблениях, убийствах, поджогах, которые приводили в панический страх и ужас все население, жившее до этого спокойною, уравновешенною жизнью полусонного обывателя [7. 27 марта; 8. 19 мая].

Это отрицательным образом сказывалось на отношении граждан к новым властям. К примеру, в отношении убийства 14 ноября 1917 г. в Красноярске старшего унтер-офицера первой сотни Татарского конного полка Якова Реунова никаких мер властями не было принято [9. Л. 245]. Нередки в городах были самочинные обыски органов правопорядка. Газета «Воля Сибири» сообщала: «Милиционер железнодорожной милиции Кузнецовых, в пьяном виде, позволил себе в городском саду обыскивать публику, говоря, что это поручено ему милицией». Сами обыватели отмечали, что обыски, проводимые милицией, совершались без достаточных на это оснований, в отсутствие хозяев, почти без свидетелей с неправильно составленными ордерами, где часто был перепутан адрес квартиры, не указывалась фамилия обыскиваемого гражданина. Всеми этими обстоятельствами сопровождался, например, обыск у гражданина Иванова, служащего водопроводной электрической станции. Гражданин Рудько, руководивший обыском, держался очень грубо и позволял себе много окриков вроде «Молчать!» [10. 10 июля; 11. 10 июля]. И конечно, обыватель, сталкиваясь с таким отношением власти, сам начинал отрицательно реагировать на ее действия.

Преступления, проходившие красной нитью в жизни обывателей в период нахождения у власти большевиков, не были изжиты и по приходу другой власти – белого режима.

27 июня 1918 г. губернский комиссар В.М. Крутовский обратился ко всему населению Енисейской губернии и представителям местной власти с предложением о том, «что бежавшие красноармейцы могут спокойно возвратиться к своим семьям и мирным занятиям, если сложат свое оружие и передадут его властям». Кроме того, он предлагал «делать самые тщательные обыски и опросы красногвардейцев. Ввиду обнаружения у них денег, золота и казенного имущества задерживать. Отобранное боевое оружие, казенные вещи, лошади и др. немедленно перепродасть в военные штабы и сдавать под расписки, уведомляя об этом комиссариат или штаб. Виновные в покупке, продаже или скрытии народного достояния будут подвергаться самому строгому взысканию». С 19 по 24 июня чинами милиции первого отделения в разных местах города у красногвардейцев было отобрано 25 винтовок и несколько сот патронов [10. 27 июня].

Гражданская война с ее ожесточенным и политическим противоборством привела к снижению уровня правосознания. Прямым следствием этого стал всплеск бытового насилия. «Проявить свою злую волю, сделать вред другому, обругать встречного иоперечного многим ничего не стоит, наоборот, в известной среде такие поступки даже одобряются. Отрицательная энергия, длительное время накапливавшаяся в людях под воздействием тяжелых бытовых условий, общей неустроенности, искала свой выход, и зачастую направлялась на более слабых (детей, стари-

ков, домашних животных)» [12. С. 87]. Газеты пестрели сообщениями об избиениях, ограблениях, кражах, самосудах [5. 24 ноя.; 10. 7 авг.; 11. 30 июня]. К примеру, постоянно происходили между обывателями в городе следующие бытовые конфликты: «Гражданин Л.Ф. Макаренко заявил милиции, что гражданин В. Олейников ударом по лицу бутылкой, наполненной самогонкой, раздробил ему челюсть; гражданка С.Р. Калманович заявила милиции, что прислуга ее брата Е. Боровикова разбила ее пятилетнему ребенку камнем голову» [13. 1 сен.].

Заметное влияние на преступность оказывало ухудшение экономической ситуации. В условиях нищеты, голода и всеобщего дефицита, когда становилось невозможno добывать законным путем элементарные продукты и вещи, даже в прошлом самые законо послушные люди могли решиться на противозаконные действия. Постоянное недоедание, нервное напряжение, стрессы угнетающие действовали на психику людей, способствуя развитию агрессивности. Накапливавшаяся в организме отрицательная энергия должна была искать выход.

Газеты того времени наполнены заметками такого содержания: «16 декабря рано утром неизвестными злоумышленниками была совершена дерзкая кража из кладовой дома Тропина, находящейся на Узенькой улице. Воры в числе 7 человек забрались во двор, обезоружили и связали караульного, которого и заперли в конюшню <...> нагружив 36 ящиков с салом воры скрылись. <...> Во время обыска в одной из пивнушек была арестована шайка пьянистовавших воров, состоящая из известного рецидивиста Василия Тислина, Григория Крутникова, Иосифа Шакалис, Самуила Тарутина и Тимофея Руд. Один из членов шайки скрылся...» [5. 16 дек.]; «Украден мед со двора Гафарова на 5 000 руб.; грабители обчистили Петровича, Исакова, Сараева; нападение на Волкова с целью ограбления» [10. 15, 18 сен.]; «Вчера на городском базаре, очень многолюдном, часов в 12 подрались два солдата, начались крики, паника и в несколько минут базар опустел. Вызванные милиционеры не застали буйнов на месте, они исчезли вместе с хлынувшим потоком крестьянских телег и напуганных покупателей» [Там же. 19 сен.]; «В ночь с 14 на 15 марта жители города были встревожены перестрелкой на улицах города, выяснилось, что шайка вооруженных громил стала врываться в квартиры и грабить обывателей, вызванные части убойной команды и городской дружины рассеяли грабителей» [14. 20 марта].

Преступные деяния совершали не только граждане Красноярска и губернии, но и иностранцы, находившиеся в городе. Так, «10 июля 1918 г. китайцы Юлиноан и Ванлинфу во время ссоры, произшедшей от игры в карты, убили товарища китайца Тянлилуя, по садовой улице в доме № 107» [10. 14 июля]. Иностранцы не только совершали преступления, но и сами становились жертвами насилия и грабежей: «Совершено вооруженное нападение на группу китайцев, 4 грабителя взяли пальто осеннее за 1 100 руб., деньги в сумме 3 000 руб.» [Там же. 10 сен.].

Преступления происходили и среди военнослужащих иностранных войск. Так, 17 января 1919 г. «Ени-

сейский вестник» писал: «Около 7 вечера в номера “Венеция” по Садовой ул., д. № 37 пришли шесть военных сербов заняли номера, пили, ссорились между собой, затем один из них в коридор бросил гранату, вследствие чего произошел взрыв, коим разрушено на сумму 8 000 руб., кроме того, была ранена служащая номеров Ксения Горшик» [15. 17 янв.].

Жертвами грабежей и насилия стали не только горожане, иностранцы, но и священнослужители. Енисейские Епархиальные ведомости постоянно сообщали об убийствах священнослужителей, их избиении. Помимо этого, пьяные посетители церкви позволяли себе петь песни, а в домашних условиях выкальывали «глаза» у икон [16]. Церкви нередко подвергались грабежам, из них выносились золотые и серебряные вещи [17. 3 дек.].

Для налаживания порядка власти стремились устрашить население жесткими мерами, в частности к участникам вооруженных ограблений применялась смертная казнь. Так, газета «Труд» писала: «В ночь с 9 на 10 октября в Красноярске приведен в исполнение приговор военно-полевого суда над Смирновым, Неженковым и Мещеряковым, участвовавшим в вооруженном грабеже» [18. 20 окт.]; «5 ноября в Красноярске приведен в исполнение приговор военно-полевого суда над Женовлевым, Чичаговым, Лазоровским за вооруженное ограбление беженского барака» [Там же. 17 нояб.].

Карательные меры не приводили к порядку в Красноярске. Преступность оставалась «бельмом на глазу» властей. Тяжелая разруха, продовольственный кризис, переживаемые людьми, мучительно отзывались на детях. Городские власти начали бить тревогу по поводу детской преступности. В ноябре 1918 г. газета «Свободная Сибирь» сообщала: «Детская преступность в Красноярске принимает весьма большие размеры. Отсутствие суда для малолетних и исправительного дома затрудняет борьбу с малолетними ворами, которые за последнее время принимают деятельное участие в ограблении квартир в базарные дни, когда хозяева уходят за покупками» [19. 30 нояб.].

В мае 1919 г. в Губернском управлении состоялось заседание представителей правительственные и общественные организации по вопросу борьбы с детской преступностью. После продолжительных прений было постановлено: передать этот вопрос Городскому комитету по народному образованию. И далее отмечалось, что от такой «борьбы» детская преступность нескоро исчезнет [20. 27 апр. – 3 мая]. В августе 1919 г. управляющий губернией предлагал на рассмотрение Городской думы проект обязательного постановления по вопросу борьбы с детской преступностью и надзора за детьми, учащимися и просил принять участие в организации надзора за беспризорными на улицах и в публичных местах, а также разработать по этому вопросу обязательное постановление [21. 1 авг.]. Но дальнее обсуждений и постановлений дела по борьбе с детской беспризорностью и преступностью не шли.

Обычным явлением стали исчезновения людей: «Мать просит всех, кто знает что либо о судьбе сына, сообщить ей. В среду утром он вышел в черном пальто, студенческой фуражке, в кармане было его метри-

ческое свидетельство... умоляю сообщить, нет ли его между убитыми или арестованными» [10. 26 июня]; «Пропал мальчик Герман Морданов, 13-ти лет, с темными волосами, одет в темно-синюю куртку и защитного цвета рваные штанишки, босой, без шапки, в руке серебряное кольцо» [15. 25 сен.]; «Учитель пения И.П. Пэдченко <...> вышел из пекарни 9 августа в 7 часов вечера и с тех пор домой не возвращался. Все хлопоты его жены узнать о его судьбе остались без результата. Пэдченко буквально как в воду канул» [17. 18 нояб.].

Постановление административного совета Временного Сибирского правительства от 17 октября 1918 г. «Об утверждении Положения о сибирской милиции», а особенно раздел IV «О предметах ведения и степени власти милиции», п. 19 которого обязывал милицию охранять «общественную безопасность и порядок и защищать всех и каждого от всякого насилия, обид и самоуправств» [22], не приводилось в жизнь. Обыватель в городе оставался незащищенным.

Представители власти «белых», объявившей своей первоочередной задачей восстановление в стране правопорядка, не проявляли должного понимания необходимости соблюдения законности. Рядовой гражданин, обыватель не чувствовал себя защищенным перед лицом государственной власти, своеволием чиновников и всевозможных воинских начальников. В своем повседневном существовании он был попросту предоставлен самому себе [12].

Карательные мероприятия белых властей также были направлены против действия партизан, которые «организовывали саботаж и диверсии на фабриках и заводах, производящих вооружение; сжигали предоставленные склады, уничтожали склады боеприпасов и фуражные базы. Наконец, партизаны являлись глазами и ушами Красной Армии...» [23]. Борьба с «бандами» и «шайками» большевиков рассматривалась белыми не только как политика, но и как борьба с преступностью.

Расправляясь со своими противниками, белогвардейцы не жалели и местное население. Особое впечатление на жителей города Красноярска и других городов губернии произвела казнь городского головы города Канска Степанова. Из рассказа очевидца того события Евгения Колосова: «27 декабря 1918 г. в г. Канске произошло восстание. По обвинению в организации этого восстания был арестован городской голова Степанов. <...> Генерал Розанов дал разрешение повесить Степанова. <...> Вешать Степанова повели на вокзал днем, через город. Идти пришлось мимо квартиры, в которой жила семья Степанова, его жена и двое детей, они увидели его из окна, и бросились за ним. Там на глазах огромной толпы, в присутствии жены и детей, не знавших, что им делать от ужаса и горя, Степанова повесили, и труп его подтянули высоко на кронштейне, около водокачки. Там он висел 29 часов, под ним проходили поезда. <...> Рядом с этой бесчеловечной казнью, можно поставить, только один ряд фактов: тюремные расправы в Красноярске над заложниками. Эти расправы превосходят все ужасы советских тюрем и возвращают нас даже не в средние века, а к временам первобытной жестокости, когда люди жили как звери» [24].

Возникавшие в этих случаях злоба и желание отомстить обрушивались не только на прямых исполнителей злодеяний, но и против граждан, которые в политической борьбе в кровавой схватке 1918–1920 гг. оказались по другую сторону баррикад [25].

Свои впечатления о побеге от расстрела из Красноярской тюрьмы, после июльского восстания 1919 г. в военном городке, описал его участник В.П. Кузнецов: «Выбравшись с кладбища, я побежал в направлении Покровской слободы. Конвойры бросились за мной. Не различая предметов и препятствий, я бежал так, как только способен бежать человек от смерти. Со всего размаха полетел в ров, как в бездну, и потерял сознание. Через некоторое время пришел в сознание. Стал ощупывать себя. Радость разлилась по всему телу. Да, надо спасаться....» [26]. По воспоминаниям члена Красноярской подпольной большевистской организации М.А. Внука: «Когда мы сидели в тюрьме, нам назначали два раза военно-полевой суд, но следствие затянулось до декабря 1919 г. Опасаясь, что массовая расправа вызовет мощный гнев красноярских рабочих, была создана разгрузка тюрьмы, мы вышли из тюрьмы 21 декабря 1919 г.» [27].

При Колчаке в губерниях и областях действовала городская, уездная милиция, делившаяся на участки. Непосредственно на местах милицией руководили губернские (областные) комиссары, постановлением правительства от 28 декабря 1918 г. переименованные в управляющих. Им, в свою очередь, подчинялись начальники отделов милиции губернских и областных управлений. Начальником отдела милиции Енисейской губернии был В.Ф. Цывловский. Примечательно, что, как и в царской России, начальники милиции имели весьма ограниченные полномочия. Вся полнота власти по руководству милицией, в том числе кадровые назначения, была в руках руководителей губерний (области), т.е. в Енисейской губернии – у П.С. Троицкого [28].

Сама милиция находилась в удручающем состоянии. Из доклада уездного комиссара Енисейскому губернскому комиссару (управляющему Енисейской губернией) 4 января 1919 г. прослеживается, «что организация милиции налаживается тихо, нет подходящих людей, знающих дело или даже желающих и умеющих изучить его. Причина кроется в неустойчивости общего политического положения и того риска, который представляет сейчас служба в милиции». Далее уездный комиссар докладывал «о распущенности и отсутствии твердой дисциплины в местных казачьих частях, выражавшихся в пьяных дебошах и стрельбе на улице, что крайне нервирует не только город, но и весь уезд. Силами милиции прекратить это не удается, были случаи, когда милиция, под угрозой быть изрубленной шашкой, принуждена была оставить арестованных пьяных буйнов. Кроме того, это вредно отзывается на успешности борьбы с пьянством и выкуркой самогонки в деревне, которая заявляет, “что вы здесь в городе сначала прекратите пьянство, а потом требуйте от нас”. А главное – все это роняет в глазах населения престиж всякой власти» [29. Л. 4–7].

31 декабря 1918 г. вышло обязательное постановление уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской

губернии полковника Малыхина, в котором говорилось: «Впредь до особого распоряжения запрещаются всякие собрания и скопления публики как на улицах, так в общественных частных помещениях. Движение по улицам с сего числа прекращается с 11 часов вечера до 6 часов утра. Обращаю внимание всех граждан города, без различия общественного и социального положения, что продление или отмена мер, стесняющих временно жизнь граждан города, зависит исключительно от самих граждан. Разумное, спокойное отношение к настоящему моменту, отсутствие каких бы то ни было попыток к нарушению общественного спокойствия и порядка, прекращение нелепых слухов среди населения, все это ускорит отмену стесняющих жителей обязательных постановлений» [15. 17 янв.].

Много внимания управляющий Енисейской губернией П.С. Троицкий уделял борьбе с преступностью. В январе 1919 г. он выразил публичную благодарность красноярской милиции за поимку вооруженных грабителей. П.С. Троицкий беспокоился о качестве личного состава правоохранительных органов. Выступая 28 февраля 1919 г. в Красноярской уездной земской управе, он сетовал на то, что «особенно трудно подобрать кадры чинов милиции» [30].

Для поддержки политики колчаковского режима с 1919 г. стали появляться дружины. Определенный опыт формирования дружин был накоплен в Красноярске. О размахе этого движения говорит тот факт, что «1 июля преступлено к обучению пятой по счету дружины общественной безопасности. Призвано около 150 граждан. Количество обученных дружинников достигает 400 человек» [17. 3 июля], а на 21 июля 1919 г. был назначен медицинский осмотр нового, уже шестого по счету призыва.

2 июня 1919 г. открылось Чрезвычайное губернское земское собрание по вопросу оказания помощи дружинникам. Перед его участниками выступил несколько раз прерываемый аплодисментами управляющий губернией П.С. Троицкий. В итоге три четверти гласных высказались за оказание такой помощи. Подводя некоторые итоги действиям дружин, управляющий Енисейской губернией П.С. Троицкий писал в МВД о том, что дружины несут службу иногда месяцами и при этом отрываются от своих занятий [1].

В то же время П.С. Троицкий признавал бездействие, халатное отношение к своим обязанностям органов правопорядка. 15 августа 1919 г. в газете «Свободная Сибирь» было опубликовано его обращение к милиции, в котором говорилось: «Я слышал немало жалоб на отдельных чинов милиции, позволяющих себе нетрезвость, личную расправу и незакономерные действия в отношении граждан. И поэтому воспрещаю всякое участие чинов милиции в картежных и иных занятиях, позорящих правоохранительные органы» [17. 15 авг.]. К.Г. Гинс в своих воспоминаниях писал: «Отовсюду поступают сведения о восстаниях, убийствах, грабежах и всякого рода иных насилиях, что так же указывает на необходимость создания на местах прочной власти, милиция, принятая от местных самоуправлений в ведение министерства внутренних дел, нуждается в коренной реорганизации, как в количественном, так и в качественном отношении» [31].

В 1919 г. министр внутренних дел колчаковского правительства В.Н. Пепеляев попытался навести «порядок» в своем ведомстве. Управляющим губерниями рассыпались грозные циркуляры с требованиями вести беспощадную борьбу с некоторыми «уродливыми явлениями» в служебной деятельности чинов милиции. Даже в сентябре 1919 г. незадолго до полного краха колчаковщины министр продолжал объяснять своим подчиненным, что эти «уродливые явления (насилие над личностью, до убийства включительно, присвоение чужого имущества)» вооружают население против милиции, подрывают в нем вообще доверие к правительственный властям [32].

Причины же в недостатке чинов милиции заключались в низком денежном содержании, которое не привлекало на службу опытных и способных людей. На ответственные должности попадали те, кто либо не справлялся со своими обязанностями, либо брал с населения взятки, допуская всевозможные злоупотребления [1].

Следствием преступных деяний стали бесчисленные невинные жертвы населения Красноярска и городов губернии. Воспоминания одной из жертв белого режима свидетельствуют о глубине трагедии, свершившейся в то время. Эти переживания характерны для любого человека, видевшего ужасы Гражданской войны. Мария Метелева вспоминает: «Газета Красноярский рабочий в № 60 1920 г. Извещала о том, что 24 марта будут производиться раскопки могил и ям, казненных колчаковцами советских деятелей. Нелегко вспоминать и сегодня, в каком тяжелом состоянии я тогда пошла к месту раскопок. Петра я увидела полулежащим с разбросанными в стороны и скатыми в кулак руками. <...> Нет, не смогла я оставаться до конца уложения трупов в приготовленные гробы, а только через два дня, узнав, что все они перевезены в одну из бывших казачьих казарм в Покровке, сходила туда со своей четверкой детишек отдать последнее “прости” и под голову Петра, уже лежавшего в гробу, положила маленьку подушечку-душку и свой подвенечный восковой цветок и укутала красным покрывалом, сшитым из кусочеков. 28 марта в теплый и солнечный день состоялось перезахоронение. <...> Несли 63 гроба и массу венков в сопровождении большого оркестра армейцев. <...> Люди безудержно рыдали и посыпали проклятья палачам. На кладбище состоялся траурный митинг, после окончания которого, под залп винтовок бережно опускались гробы в братскую могилу. Выстояла я на краю могилы до конца, и выдер-

жало сердце мое это потрясающее прощание. Болела голова. Дома меня ожидали расспросы моих четырех оставшихся без отца детей...» [33].

После изгнания колчаковцев часть белогвардейского офицерства перешла на подпольное положение, не оставив надежд на свержение советской власти. В мае 1920 г. была раскрыта белогвардейская организация, состоявшая в основном из офицеров. Заговорщики создали вооруженный отряд, насчитывавший 80 человек. Губернская чрезвычайная комиссия, рассмотрев дело об антисоветском заговоре, 29 июля 1920 г. приговорила 50 членов организации к расстрелу, остальных отправили в концентрационные лагеря на различные сроки без права на амнистию. В феврале–марте 1921 г. в Красноярске были раскрыты еще две попытки переворота [34]. Все эти события отрицательным образом влияли на красноярцев, порождая страх и неуверенность в завтрашнем дне.

Работа милиции в последующие годы находилась в очень плохом состоянии. Встречались случаи взяточничества и халатного отношения к своим обязанностям. В Красноярске отделением уголовного розыска практиковались насильственно-принудительные допросы подследственных и подозреваемых в преступлениях арестованных. Материальное состояние милиции было не в лучшем состоянии, она была обмундирована лишь только на треть, благодаря чему дезертирство среди милиционеров достигало больших масштабов [35. Л. 51]. Причины этих явлений руководство видело в моральной неподготовленности милиционеров к выполнению своих обязанностей, малом заработка, плохом обмундировании и вооружении.

В годы революции и Гражданской войны на почве государственного развала и хозяйственного разорения страны население городов переживало ужасы взаимного озлобления, насилие, убийства, погромы, которые отрицательным образом оказывались на психике людей, их поведении, отношении друг другу. Последствия революции и Гражданской войны в виде различных преступлений еще долгое время оказывались на жизни города Красноярска. Сравнивая 1918–1920 гг. с началом XXI в., можно наблюдать аналогичное состояние российского общества – деморализацию, проявляющуюся в виде резкого увеличения количества преступлений. Выход из этого состояния возможен лишь усилиями государственной политики в области принятия конкретных мер по преодолению кризиса и путем личного анализа человеком своего поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звягин З.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 271–273.
2. Никитин А.Н. Органы государственной власти «белой» России: борьба с должностными преступлениями. М., 1997. С. 50.
3. Северянин М.Д. Размышления о революции. Красноярск, 1998.
4. Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны // Вопросы истории. 2002. № 11–12. С. 109.
5. Свободная Сибирь (Красноярск). 1917.
6. Красноярский рабочий (Красноярск). 1918.
7. Наше слово (Красноярск). 1918.
8. Голос момента (Енисейск). 1918.
9. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 159. Л. 245.
10. Воля Сибири (Красноярск). 1918.
11. Дело рабочего (Красноярск). 1918.
12. Шевелев Д.Н. Белая Сибирь: политическая риторика, презентации власти и мир повседневности // История Белой Сибири. Кемерово, 2003. С. 87.
13. Канский земский голос (Канск). 1918.

14. Наша деревня (Минусинск). 1919.
15. Енисейский вестник (Красноярск). 1919.
16. Енисейские епархиальные ведомости (Красноярск). 1919. № 1-2, 3, 5.
17. Свободная Сибирь. 1919.
18. Труд (Минусинск). 1918.
19. Свободная Сибирь. 1918.
20. Общее дело (Красноярск). 1919.
21. Минусинский край (Минусинск). 1919.
22. Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX – 1920 г.). Томск, 1998. Вып. II. С. 219.
23. Логгинов В.К. 40 лет со дня освобождения Красноярского края от колчаковщины. Красноярск, 1959. С. 14.
24. Сибирская авантюра и генерал Гайда. Петроград, 1919. С. 83.
25. Угрюмов А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1999. С. 68.
26. Кузнецов В.П. Восстание солдат в Красноярском военном городке (июль 1919 г.) // Годы огневые... Красноярск, 1962. С. 366.
27. Внук М.А. В колчаковском застенке // Годы огневые... Красноярск, 1962. С. 71.
28. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 172–178.
29. ГАКК. Ф. Р-1800. Оп. 2. Д. 348.
30. Звягин С.П. Троцкий – управляющий Енисейской губернией (1918–1919 гг.) // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы. К 180-летию Енисейской губернии : тез. докла. и сообщений науч.-практ. конф. Комитет по делам архивов администрации Красноярского края. Архивные чтения. Красноярск, 2002. 220 с.
31. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 111.
32. Никитин А.Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994. С. 27.
33. Метелева М.В. Духом окрепли в борьбе // Незабываемое. Воспоминания участников революционных событий в Красноярском крае (1917–1920). Красноярск : Краснояр. книж. изд-во, 1957. 224 с.
34. Красноярску – 350 лет. Красноярск, 1978. С. 79.
35. ГАКК. Ф-Р 53. Оп. 1. Д.156.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 июля 2017 г.

CRIME AND ITS CONTROL IN KRASNOYARSK DURING THE YEARS OF THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 125–131.

DOI: 10.17223/15617793/427/16

Yana V. Kapustina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yana-kapustina@yandex.ru

Keywords: crime situation; Krasnoyarsk; Civil War; fight against crime.

The aim of the article is to identify the impact of crime on daily life of Krasnoyarsk in the extreme conditions of the 1917 Revolution and the ensuing Civil War. The following tasks have been set: to consider the crime situation in the city, to characterize the protection order, to analyze the activities of the authorities in combatting crime in Krasnoyarsk. The works of Z.P. Zvyagin, A.N. Nikitin, M. D. Severyanov, A.I. Sych and others represent the research methodology. Zvyagin considers the structure and activities of the city and county police during the Kolchak rule. He sees the limited powers of the police and the concentration of the power to guide the police in the hands of the leaders of the provinces, and in Yenisei Province of P.S. Trotsky. In his works, Nikitin analyzes the problem of law enforcement of the white regime, citizens' perception of law enforcement. Severyanov and Sych in their studies reflect the relations between people, giving examples of abuse of irreconcilable sides. The source base for the study is periodicalss: *Svobodnaya Sibir'* (Krasnoyarsk, 1917–1919), *Krasnoyarskiy rabochiy* (Krasnoyarsk, 1918), *Nashe slovo* (Krasnoyarsk, 1918), *Golos momenta* (Eniseysk, 1918), *Volya Sibiri* (Krasnoyarsk, 1918), *Delo rabochego* (Krasnoyarsk, 1918), *Eniseyskiy vestnik* (Krasnoyarsk, 1919). The author came to the following conclusions: 1. In the conditions of the Revolution and the Civil War, crime was on the rise in the city, as evidenced by the reports in the periodicals. 2. With the Bolsheviks' coming to power in Krasnoyarsk measures were taken to combat crime, but they did not give efficient results. 3. Crime and violence, which Krasnoyarsk residents constantly faced in the street and which were actually elements of everyday life during the Bolsheviks' power, were not eradicated with the Provisional Siberian Government coming to power. 4. Punitive measures taken by the authorities did not result in public order in Krasnoyarsk. Average people did not feel protected by the state power from the arbitrariness of officials and various military chiefs. After the restoration of the Soviet power, the consequences of the Revolution and the Civil War in the form of various crimes affected the lives of Krasnoyarsk residents for a long time.

REFERENCES

1. Zvyagin, Z.P. (2001) *Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka* [Law enforcement policy of A.V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 271–273.
2. Nikitin, A.N. (1997) *Organy gosudarstvennoy vlasti "beloy" Rossii: bor'ba s dolzhestnostnymi prestupleniyami* [The bodies of state power of "White" Russia: the fight against official crimes]. Moscow: Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs.
3. Sever'yanov, M.D. (1998) *Razmyshleniya o revolyutsii* [Reflections on the revolution]. Krasnoyarsk: KrasGASA.
4. Sych, A.I. (2002) O nekotorykh sotsial'no-psichologicheskikh posledstviyah Pervoy mirovoy voyny [On some socio-psychological implications of the First World War]. *Voprosy istorii*. 11–12.
5. *Svobodnaya Sibir'* (1917).
6. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1918).
7. *Nashe slovo*. (1918).
8. *Golos momenta*. (1918).
9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-53. List 1. File 159. Page 245. (In Russian).
10. *Volya Sibiri*. (1918).
11. *Delo rabochego*. (1918).
12. Shevelev, D.N. (2003) *Belyaya Sibir': politicheskaya ritorika, reprezentatsii vlasti i mir povsednevnosti* [White Siberia: political rhetoric, representations of power and the world of everyday life]. In: Zvyagin, S.P. (ed.) *Istoriya Belyoy Sibiri* [History of White Siberia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

13. *Kanskiy zemskiy golos*. ((1918)).
14. *Nasha derevnya*. (1919).
15. *Eniseyskiy vestnik*. (1919).
16. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. (1919). 1–2, 3, 5.
17. *Svobodnaya Sibir'*. (1919).
18. *Trud*. (1918).
19. *Svobodnaya Sibir'*. (1918).
20. *Obshchее delo*. (1919).
21. *Minusinskiy kray*. (1919).
22. Lukov, E.V., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (1998) *Vyyavlenie i izuchenie novykh istochnikov po istorii obshchestvennoy zhizni Sibiri (konets XIX – 1920 g.)* [Identification and study of new sources on the history of social life in Siberia (the end of the 19th c. – 1920)]. Is. 2. Tomsk: Tomsk State University.
23. Logvinov, V.K. (1959) *40 let so dnya osvobozhdeniya Krasnoyarskogo kraya ot kolchakovshchiny* [40 years since the liberation of Krasnoyarsk Krai from Kolchak]. Krasnoyarsk: [s.n.].
24. Solodovnikov, B. (1919) *Sibirskaya avantyura i general Gayda* [Siberian adventure and General Gajda]. Petrograd: [s.n.].
25. Ugrovatov, A.P. (1999) *Krasnyy banditizm v Sibiri (1921–1929 gg.)* [Red banditry in Siberia (1921–1929)]. Novosibirsk: YuKEA.
26. Kuznetsov, V.P. (1962) *Vosstanie soldat v Krasnoyarskom voennom gorodke (iyul' 1919 g.)* [Rise of soldiers in the Krasnoyarsk military town (July 1919)]. In: Logvinov, V.K. (ed.) *Gody ognevye...* [Years of fire . . .]. Krasnoyarsk: Krasnoyar. kn. izd-vo.
27. Vnuk, M.A. (1962) *V kolchakovskom zastenke* [In Kolchak's detention facility]. In: Logvinov, V.K. (ed.) *Gody ognevye...* [Years of fire . . .]. Krasnoyarsk: Krasnoyar. kn. izd-vo.
28. Zvyagin, Z.P. (2001) *Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka* [Law enforcement policy of A.V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 172–178.
29. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1800. List 2. File 348. (In Russian).
30. Zvyagin, S.P. (2002) [P.S. Troitsky, governor of Yenisei Province (1918–1919)]. *Vlast' i obshchestvo. Regional'nye aspekty problemы. K 180-letiyu Eniseyskoy gubernii* [Power and Society. Regional aspects of the problem. To the 180th anniversary of Yenisei Province]. Proceedings of the conference. Krasnoyarsk: [s.n.]. (In Russian).
31. Hins, G.K. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak* [Siberia, the Allies and Kolchak]. Vol. 2. Beijing, Harbin: O-vo vozrozhdeniya Rossii: Tip.-lit. Rus. dukhovnoy missii.
32. Nikitin, A.N. (1994) *Dokumental'nye istochniki po istorii grazhdanskoy voyny v Sibiri* [Documentary sources on the history of the Civil War in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
33. Metel'eva, M.V. (1957) *Dukhom okrepli v bor'be* [The spirit became stronger in the struggle]. In: Grebtsov, I.G. & Lifshits, L.I. (eds) *Nezabyvaemoe. Vospominaniya uchastnikov revolyutsionnykh sobytiy v Krasnoyarskom krae (1917–1920)* [The Unforgettable. Memoirs of participants in the revolutionary events in Krasnoyarsk Krai (1917–1920)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
34. Silkova, N.P. et al. (eds) (1978) *Krasnoyarsku – 350 let* [Krasnoyarsk is 350 years old]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
35. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). F-R 53. List 1. File 156. (In Russian).

Received: 04 July 2017